

Глава 15: Се Чэнь возвращается в столицу

—

С тех пор как стало известно об императорском указе, разрешающем Се Чэню вернуться в столицу с армией, Се Чжуй с нетерпением ждал этого днями и ночами. Каждый день он чуть ли не на пальцах высчитывал, когда указ дойдет до Северного региона и сколько времени потребуется Се Чэню, чтобы вернуться в столицу.

Описание несколько преувеличено, но суть именно такова.

Сяо Шань, видя его столь приподнятое настроение, не осмеливался дразнить его и просто позволял ему считать дни.

В мгновение ока наступил конец апреля.

В апреле-мае в столице всегда лили нескончаемые дожди. В этот день тоже шёл небольшой дождь, и из дворца пришло сообщение от наложницы Лань, что она хочет встретиться с Се Чжужем.

В последнее время отношения между наложницей Лань и Се Чжужем были довольно прохладными. Наложнице Лань он не нравился, и после тех событий на их первой встрече, получив наставления от императрицы и прямолинейные советы от Сяо Шаня, она не могла просто игнорировать Се Чжужуя. Поэтому, если не было крайней необходимости, она вообще не хотела, чтобы Се Чжуй приходил во дворец, чтобы выразить ей почтение.

А Се Чжуй не страдал от мазохизма, и отношение наложницы Лань ему было по душе. Они редко встречались, никто никому не мешал, так что такой способ ладить был довольно хорош.

Однако, если наложница Лань действительно хотела его видеть, он не мог найти подходящей причины для отказа. Сяо Шань же чувствовал, что давно не был во дворце, поэтому хотел пойти с ним.

Сяо Шань, переодевшись, вышел из комнаты и увидел Се Чжужуя, который задумчиво смотрел на дождевую завесу.

Он подошел к Се Чжужую и мягко сказал: «Что, опять о старшем брате думаешь?»

Се Чжуй покачал головой: «Нет». На этот раз он действительно не думал о Се Чэне, он просто вспоминал свою первую битву несколько лет назад. Тогда тоже шёл дождь, и кровь воинов Великой Чжоу, кровь врагов из Бэйянь, капала в дождевую воду, быстро окрашивая землю в красный цвет.

После того как дождь прекратился, неразличимые пятна крови впитались в почву. Очень долго после этого, когда Се Чжуй проезжал по той земле, он всё ещё мог чувствовать запах крови.

Вернувшись в столицу и выйдя замуж за Сяо Шаня, возможно, он слишком уставал каждую ночь и слишком крепко спал, редко мечтая о сражениях на поле боя. Но в последнее время, по какой-то причине, чем ближе к столице подходили северные генералы и Се Чэнь, тем чаще ему снились люди и события с Северной границы.

Сяо Шань, заметив в глазах Се Чжужа уклонение, не стал расспрашивать дальше, а сказал: «Не думай слишком много, я рядом».

Се Чжуй посмотрел на него и кивнул.

Двое сели в карету, под стук дождя поехали во дворец.

Добравшись до дворца Цзинлань, они поклонились наложнице Лань. Поднявшись, они заметили, что на лице наложницы Лань было написано «недовольна».

Сяо Шань с улыбкой сказал: «Кто это рассердил матушку-наложницу?»

Наложница Лань скривила губы, собираясь пожаловаться Сяо Шаню, но тут увидела рядом с ним Се Чжужа. У неё было плохое впечатление о Се Чжуже, и она не хотела терять лицо перед ним, поэтому с трудом проглотила это жалостливое выражение.

Наложница Лань недовольно сказала: «Кто может разозлить меня, я сама на себя злюсь».

Сяо Шань ничего не понял.

В это время Цуй Шу вышла и сказала: «Два дня назад императрица вызвала родственников семьи Гу во дворец для беседы, и матушка-наложница тоже присутствовала. Старая госпожа Ань рассказала несколько печальных историй из прошлого, что заставило императрицу и матушку-наложницу вспомнить старые дела, и им обоим стало тяжело на душе».

Сяо Шань внезапно понял, что происходит. Он знал, что его так называемая двоюродная бабушка не похожа на человека, с которым легко ладить. Он так её оскорбил, но она никак не отреагировала, оказывается, она ждала подходящего момента.

«В таком возрасте, когда не можешь переругаться, бежишь во дворец жаловаться, есть в этом смысл?» — недовольно сказал Сяо Шань.

Наложница Лань согласно кивнула, демонстрируя полное одобрение.

Сяо Шань, глядя на наложницу Лань, сказал: «Значит, матушка-наложница позвала нас сегодня из-за этого?»

Наложница Лань сказала: «Я позвала Се Чжюя, а не тебя».

Сяо Шань сделал вид, что не услышал этих слов.

Наложница Лань ничего не могла поделать с его видом, поэтому закатила на него глаза и сказала: «Его Величество услышал об этом деле, он очень недоволен, и велел мне хорошенько тебя наставить».

Дойдя до этого места, она повернула голову к Се Чжюю, хмурясь: «Это дело началось из-за тебя, а теперь дошло до императора. Теперь Шань-эр в глазах императора стал человеком, который не уважает старших. Ты его Ван Цзюнь, вместо того чтобы подталкивать его вперёд, ты постоянно его сдерживаешь, как же так?»

Выражение лица Се Чжюя не изменилось, он твёрдо сказал: «Матушка-наложница права, ваш сын запомнил».

Наложница Лань: «...» Его речь, словно военный приказ, ни капли мягкости, ей было тяжело это слушать.

Сяо Шань же в стороне сказал: «Матушка-наложница, какое это имеет отношение к Се Чжюю? Двоюродная бабушка не уважает меня, неужели я должен её почитать?»

На лице наложницы Лань появилось нерешительное и сложное выражение. В душе она была согласна со словами Сяо Шаня: каким бы ни был Се Чжуй, он всё равно был Ван Цзюнем Сяо Шаня. То, что её тётя публично не проявила уважения к Се Чжюю, разве это не было пощёчиной ей и Сяо Шаню?

Но поскольку это дело дошло до ушей императора, она не могла выказывать своего одобрения.

Наложница Лань с трудом убрала выражение лица и сказала: «Дело не в этом, твоя двоюродная бабушка в своё время много сделала для императора. Вдовствующая императрица, императрица и я сами из семьи Гу, я называю её тётей, так что к ней нужно проявить хоть какое-то уважение».

Сяо Шань сказал: «Я, будучи младшим, не знаю, что она делала для отца-императора. Но в обычное время отец-император не обижал её, и я очень уважаю её, но не может же она топтать моё лицо, я ведь ничего ей не делал».

Наложница Лань, видя, что не может его переубедить, не стала больше говорить об этом. Она бросила на Сяо Шаня свирепый взгляд: «В общем, дело было так, и вы оба должны это знать».

Сяо Шань вяло отозвался.

Се Чжуй твёрдо согласился.

Наложница Лань хотела что-то сказать, но снаружи евнух доложил, что прибыл император.

Наложница Лань поспешно встала, чтобы встретить Его Величество, Сяо Шань и Се Чжуй последовали за ней.

—

Во Восточном дворце, Сяо Цзинь, который уже поправился, быстро узнал об этом.

Главным образом, Сяо Шань и Се Чжуй не скрывали своего приезда во дворец, а приезд императора во дворец Цзинлань был широко объявлен, так что узнать об этом было нетрудно.

Лю Цзинь в эти два дня чувствовала сонливость, но сегодня у неё как раз были силы поиграть в шахматы с Сяо Цзинем.

Услышав это, она посмотрела на Сяо Цзиня и спросила: «Отец-император пошёл в павильон Цзинлань из-за дела двоюродной бабушки?»

Сяо Цзинь ответил, не поднимая головы: «Нет».

Лю Цзинь не понимала почему. Сяо Цзинь, потирая в руке белую фигуру, мягко улыбнулся и сказал: «Никто не сравнится с моим третьим братом в выдвижении жалоб, он может сказать что угодно».

Лю Цзинь внезапно вспомнила сцену того дня, когда Сяо Цзинь был отравлен. Она тогда не присутствовала, но услышав рассказы дворцовых слуг, она долго не могла произнести ни слова.

Среди принцев только Сяо Шань достиг такого уровня, он был единственным в своём роде.

Сяо Цзинь опустил белую фигуру, затем тихо сказал: «Более того, я знаю, почему отец-император пошёл к наложнице Лань».

Лю Цзинь стало любопытно: «Почему?»

Сяо Цзинь само собой разумеющимся тоном: «Пойти и хорошенько отругать третьего брата».

Лю Цзинь: «...» Её настроение было немного странным. Разве он только что не хвалил Сяо Шаня, а теперь так злорадствует?

«Поступки третьего брата всегда заставляют отца-императора чувствовать себя некомфортно, если он не отругает его», — сказал Сяо Цзинь. «Однако на этот раз отец-император, вероятно, будет ругать его более мягко, потому что отец-император в основном хочет увидеть Се Чжужуя».

Лю Цзинь вздрогнула.

Только что Сяо Цзинь продолжил говорить: «Воины с Северной границы скоро вернутся в столицу. В Северном регионе не стало Се Чжужуя, и это место нужно кем-то заполнить. Се Чжужуй лучше всех знает этих воинов, и отец-император, должно быть, хочет выслушать его мнение. Важно мнение Се Чжужуя о том, следует ли продвигать кого-то из этих воинов или отправить туда кого-то другого в качестве генерала Северного региона».

«Я беспокоюсь только об одном: сможет ли Се Чжужуй ответить на вопросы отца-императора исчерпывающе?»

Если он ответит слишком много, это может вызвать подозрения, что он все еще мечтает о власти над армией Северного региона; если же слишком мало, это может вызвать недовольство.

Лю Цзинь нерешительно спросила: «Будет ли мой третий брат держать на меня обиду за то, что произошло в прошлый раз?» Невысказанным вопросом было: не заставит ли Сяо Шань изменить позицию Се Чжужуя из-за этого инцидента.

Сяо Цзинь: «Что ты о нем думаешь? Он из всех сил избегает таких дел. Даже если отступить на шаг и сказать, что ему никак этого не избежать, он будет говорить обо мне только хорошее перед отцом-императором. Если так подумать, третий брат тоже там, и если он будет защищать Се Чжужуя, отец-император ничего не выведает у Се Чжужуя».

Лю Цзинь, глядя на Сяо Цзиня, который сиял, говоря об этом, почувствовала, как её сердце слегка сжалось.

И ситуация во дворце Цзинлань действительно развивалась так, как предсказывал Сяо Цзинь.

Сяо Шэн очень хотел отругать Сяо Шаня с ног до головы, но так как Се Чжужуй тоже присутствовал, он в конце концов только произнёс: «Негодник».

Когда разговор перешёл к военным делам Северного региона, Се Чжужуй ещё не успел открыть рот, как Сяо Шань уже перебил его: «Отец-император, Се Чжужуй теперь не занимается делами Северного региона, и наконец-то все забыли, как он заменял Се Чэня в армии. Если ты сейчас об этом заговоришь, люди снова начнут это обсуждать. Ты просто награди его по заслугам, и

продвигай кого хочешь».

Сяо Шэн посмотрел на него и холодно усмехнулся: «Ты думаешь, что я, как и ты, глуп и вижу только на четыре дюйма вперёд?»

Сяо Шань: «Отец-император, ваш сын молод, а не глух и не слеп, я понимаю, о чем вы говорите. Я имел в виду, что если вы хотите продвигать кого-то, то продвигайте, а если не хотите продвигать никого из военных, то пусть второй брат и придворные чиновники предложат несколько кандидатур, а вы выберете одного, разве нет?»

«Наследный принц рекомендует человека?» Сяо Шэн искоса взглянул на него.

Сяо Шань не понял значения этого взгляда и очень настойчиво спросил: «Отец-император имеет в виду, чтобы и старший брат, и ваш сын тоже рекомендовали? Я не знаю, понимает ли мой старший брат эти вещи или нет, но я ничего не понимаю в этом, так что даже если вы захотите, чтобы я что-то рекомендовал, я ничего не смогу предложить».

«Не понимаешь, разве не научишься?» Сяо Шэну внезапно очень захотелось ударить его по голове.

«Отец-император, вы же сами сказали, что у меня деревянная голова, я не могу научиться», — сказал Сяо Шань.

Сяо Шэну стало больно в груди от его слов, он чувствовал, что Сяо Шань пришёл, чтобы взыскать с него долги. После такого переполоха, устроенного Сяо Шанем, у императора пропало всякое желание расспрашивать Се Чжуня об этих делах.

Он терпеливо сказал несколько слов наложнице Лань и ушёл.

После ухода Сяо Шэна, наложница Лань также позволила Сяо Шаню и Се Чжуню покинуть дворец.

Когда они возвращались, дождь уже прекратился.

Се Чжунь, глядя на невозмутимого Сяо Шаня, сказал: «Спасибо, Ваше Высочество, за то, что вы выручили меня перед императором».

Сяо Шань сказал: «Что за слова? Ты мой Ван Цзюнь, если не я буду тебя защищать, то кто? Если ты не хочешь вмешиваться в эти придворные дела, просто скажи отцу-императору, что во всем слушаешься меня. Отец-император ничего не сможет с тобой поделать».

Се Чжунь промычал в ответ, в душе считая императора весьма противоречивым человеком.

Он, несомненно, очень хорошо относился к наследному принцу, но в то же время, казалось, не хотел, чтобы авторитет наследного принца был слишком велик.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282507>